

Иван
Барков

Лука
Мудищев

Иван Барков
Лука Мудищев (сборник)

«ЭКСМО»

Барков И. С.

Лука Мудищев (сборник) / И. С. Барков — «Эксмо»,

Новейшее издание так называемых «срамных» стихотворений знаменитого родоначальника внецензурной эротической поэзии Ивана Баркова включает в себя сочинения, обнаруженные в последние годы и воспроизводимые по архивным источникам и документам. Не рекомендуется детям младше 18 лет.

© Барков И. С.

© Эксмо

Содержание

Неразгаданный апокриф Баркова	6
На взятие Измаила	9
Silentium[1]	10
Свидание	11
Похвала	12
Случай	14
Старичок	15
* * *	16
Великий самодержец	19
Не ведая утех иных	21
Зефир	22
Tristia	23
Баллада	25
Скорбь-невзгода	26
Огнь любви	27
Два стихотворения	29
1	29
2	30
В пропастях	31
Стыд	33
Лейб-улан и Аннет	34
I	34
II	35
III	36
IV	37
V	38
VI	39
VII	40
VIII	42
IX	43
X	44
XI	45
XII	46
XIII	47
XIV	48
XV	49
XVI	50
XVII	51
XVIII	53
XIX	54
XX	55
XXI	56
XXII	57
XXIII	58
XXIV	59
Царь-девица	62

Стойкий витязь	64
Рытвина с ухабом	67
Раскаянье	69
Вдовый утешитель	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Иван Барков Лука Мудищев

Неразгаданный апокриф Баркова

Ни один испорченный ум никогда не понял ни одного слова; и приличные слова ему ни на пользу, так слова и не особенно приличные не могут загрязнить благоустроенный ум, разве так, как грязь марает солнечные лучи и земные нечистоты – красоты неба.

Боккаччо. «Декамерон». Заключение автора

Несмотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться: кроме права ставить винительный вместо родительного и еще кой-каких, так называемых поэтических вольностей, мы никаких особенных преимуществ за русскими стихотворцами не ведаем) – как бы то ни было, несмотря на всевозможные их преимущества, эти люди подвержены большим невыгодам и неприятностям. Зло самое горькое, самое нестерпимое есть звание и прозвище, которым он заклеен и которое никогда от него не отпадает. Публика смотрит на него, как на свою собственность; по ее мнению он рожден для пользы и удовольствия...

А. С. Пушкин

Богатство, славу, пышность, честь – я презираю...

И. С. Барков

В литературе, как всегда, царит хаос. Нравственность агонизирует. В мирах Эпикура разбирают булыжник, а поэты наспех сбивают подмостки для бессмертия.

И тут на авансцене возникает Барков.

Он со всей молодостью обрушивается на фанфаронство и благочестие. Все эти господа и дамы, все эти пламенные любовники и законченные волокиты предстают во всей своей красе, предлагая воплотить самые нескромные желания.

Я видел, как один критик (порождение страсти извозчика и разговорчивой прачки) чуть ли не плакал, читая эти забавные и поучительные святотатства. Он был возмущен и называл сочинения поэта кошунством. Бедняге, как видно, необходимо было во что-то верить.

Выплеснуть за борт все эти сладострастные отравы – значит, унижить литературу. Неприятие эротических безумств равносильно самоубийству. Отвернуться от них – все равно, что сделать еще один шаг к собственной гибели.

Быть может, поэзия Ивана Баркова некоторым покажется игрой, чувственной гимнастикой, фехтованием в пустоте. Как же они будут наказаны!

Любой сноб, лишенный воображения, обречен подобно нашему критику превратиться в несчастнейшего из смертных и сделать несчастными своих близких. В двенадцать лет он полезет под юбку своей сестры, и, если случай не возвысит его над уровнем заурядных судеб, он, не дожив до сорока, испустит дух над очередным пасквилом.

Он изгнал чувство из своего сердца, и в наказание чувство отказывается вернуться к нему. Самое лучшее, что может послать ему судьба – это жестокий удар, которым природа поставит его на место.

Все чувства и все восторги заказаны этому человеку. Если же Господь по ошибке пошлет ему жену, этот посредственный господин будет унижать и растлевать ее, исходя из своих убогих представлений о добре и зле.

Необузданное пристрастие к морали порождает чудовищные и неведомые крайности. Не отсюда ли нелюбовь иконоборцев и мусульман к изображениям божества! Кто объяснит всю глубину раскаянья св. Августина, когда он отшатнулся от своего прошлого?

Удивительным человеком был Барков. Его стихи, если разобраться, это дифирамбы и панегирики. Даже простоватость и грубость, коими он наделял своих героев, служат к их чести и украшению. Словом, это ангельские сердца и светлые головы, напрочь потерявшие стыд.

Изображение реального, живого крестьянина – нелепая прихоть Спиридона Дрожжина; заглядывать в замочную скважину распорядителей жгучих нег позволительно лишь кабацкому завсегдатаю Баркову. Ведь показав без прикрас все пороки неутомимого лейб-улана – он, как это ни жестоко! – рискует всего лишь ослабить его боевой дух.

Вся несуразность и изобретательность, все чудачества и все запредельные мечты проступают в действиях его героев. Все они жертвы собственных порочных наклонностей.

Барков с легким сердцем рисует устрашающие, гротескные, шутовские картины. Никто, как Барков, не знал и не любил этот мир. Он не только проник в его альковные тайны, но вошел в доверие к его женам и любовницам. Он разделил с ними по-братски их тоску, одиночество, восторги и наслаждения.

Подобно тому, как Мольер вытеснил в свое время «Мениппову сатиру», Барков со всем темпераментом и пылом выставил за дверь сумароковскую музу, кряжистую и грузную торговку с Охотного ряда.

Именно Барков перевернул тогдашний литературный мир вверх дном. Даже спустя три столетия его победа выглядит ошеломляющей. И великий Ломоносов, бессмертный собутыльник Ивана Семеновича, почувствовал это один из первых.

Обстоятельства смерти Баркова остаются не вполне ясными до сего дня.

В рассказах очевидцев, полных противоречий и странных подробностей, кое-что сомнительно, а о многом вообще умалчивается. Относительно места и часа смерти, а также последних слов покойного показания расходятся.

Последние слова поэта, произнесенные им в присутствии заслуживающих доверия свидетелей, обсуждаются до сих пор; нас уверяют, что это было не просто прощание с миром, а прорицание, пророчество, полное глубокого смысла, как выразился один экзальтированный современник.

Несмотря на свидетельства столь располагающих к себе господ, находятся все же люди, подвергающие сомнению достоверность не только великолепной предсмертной фразы, но и всех других событий этой невероятной жизни.

Одни утверждают, что вся эта история поэтического гения просто грубое надувательство, измышление плутов и горьких пьяниц, негодяев, стоящих вне закона и выброшенных из общества (всех эти собутыльников Баркова, по мнению других, следовало бы упрятать за решетку, вместо того, чтобы разрешить им кабацкие увеселения в объездах таких же падших женщин).

Многие, безо всяких оснований, сваливают на его дурную компанию ответственность за нищенское существование, которое поэт вел, когда стал позором изящной словесности и доставлял добропорядочным согражданам одни огорчения.

Барков отнюдь не был человеком уважаемым и достойным, несмотря на восхищение, которое окружало его на самом дне отчасти за то, что ему удивительно везло в любви, отчасти за способность употреблять зелье в неограниченных количествах под аккомпанемент срамных стишков.

Но вернемся к нашим неутомимым критикам. Уж не ждете ли вы, что Барков поднесет отрезвляющего зелья после ваших нелепых оргий? Или одна из кабацких Венер – Пеннорож-

денная или Продажная – облегчит ею же вызванные муки? Что бульварные девки обратятся в преданных сиделок, когда наступит для вас день раскаянья и расплаты? Вряд ли вы вкушаете нектар из амброзии и отбивные из паросского мрамора!

В конце концов, сколько же вам дадут в ломбарде за еще одну разбитую жизнь?

Виктор Пеленягрэ

На взятие Измаила

Залетный лейб-улан затеял спор с пиздой,
Как пахотник взорлил над взрезанной браздой;
Впряженный хуй стоит, его послушный воле,
С прилежной силой он легко взрыхляет поле
И, дерзкий взор подняв, к властителю небес
Взывает без стыда: «Я твой солдат, Зевес!..
Такой же вырвигвоздь». – Зевес: «Какого хуя?»
«Европу точно так когда-нибудь нагну я!»

Silentium¹

Ты в пурпур нег ее облек,
Ее уста замкнул устами;
Ты Бог, ты царь, ты, человек,
Растлил ей разум словесами.
Не так ли птицы в майский день
Возносят пение и свисты
И, парами сбиваясь в тень,
Живят вертепы каменисты.
Ты прямо в сердце льешь лучи
И прохлаждаешь тем от зноя,
Ревет Флегей, погибла Троя,
Я вся горю... Молчи, молчи!

¹ молчание (лат.).

Свидание

Как тот юнец, манерно-угловатый,
Твоих колен влюбленный соглядатай,
(Запретных книг прилежный ученик!)
В гостиной перед ужином возник,
Неясными желаньями распятый.
И вот стоит – не дышит! – за спиной,
Два языка даны душе одной...
О, как хотелось вымолвить признание
И тут же удержаться от рыдания, —
Не знает, как вести ему с тобой.
А что же ты? Уняв мгновенный трепет,
С улыбкой ты готова слушать лепет;
Предчувствуя понятную нам дрожь,
Ты думаешь: зачем он так хорош?

Похвала

Хвали Венерин взор, всея земли языки,
Воспойте же пизду, все малы и велики,
Что милостью своей любить заставит нас,
И будет хуй стоять отныне всякий час.

Случай

Пииту вздумалось красотку,
Резвяся, поймать;
И ну давай топтать молодку,
И ну давай топтать!
Прекрасна пленница краснеет
И рвется от него,
Пиит лишь пуще вожделеет
От случая сего.
Она зовет свою служанку,
Чтоб с хуем совладать;
Заслышав эту перебранку,
На крик явилась мать.
И, глядя, как пиит лобзает
И в перси, и в уста,
Родительницы сердце тает,
На то и красота!
Она на ложе к ним стремится
От случая сего;
Спешит она разоблачиться,
Журя за шаловство!
Как мать, останься непреклонна,
Согласием дыша,
Сравнийся с ней, где сопряженна
С любовью душа!

Старичок

С кем ты водишь хоровод,
Косолапый мишка?
Третьи дни меня ебет
Юркий старичишка.

Нивы град Господень бьет,
Молния сверкает,
Старичишка все ебет,
Скуку разгоняет!

Не могу ни встать, ни сесть.
Сено гнет соломѹ.
Пропадай, девичья честь,
Мне б дойти до дому!

Тучки по небу плывут,
Дождик льет, похоже,
Как же старички ебут,
Помоги им Боже!

Так и эдак повернет,
Экий шалунишка!
Так вот детство и пройдет,
Косолапый мишка!

* * *

В недремлющей нощи мне слышен смех блядей
От Иберов до вод Курильских,
От вечных льдов до токов Нильских,
Ебется всяк... чем старе, тем сильнее!
Хоть попусту я век прожил, презренный,
По смерти у блядей я стану драгоценный!

Великий самодержец

Хуй – великий самодержец.
Непокорный, достославный!
Сколько подданных красавиц
Под его главой державной?

Герб его – пизда с пробором,
Где под грозные указы, —
Соловьи поют рулады,
Ручейки лепечут сказы.

Под луной его солдаты
По борделям маршируют.
Средь цветов благоуханных
Бляди весело пируют.

Ах, не он ли ночью лунной
Постучится в дверь, малютка,
Значит, есть любовь на свете,
Значит, это все не шутка!

Только в нем сама природа
Все безумства заключила,
Чтобы ты пиздой с пробором
Верность королю хранила.

По разложенной постели
Мы запрыгаем, как дети.
Легкий ветер нас накроет
Снегом липовых соцветий.

Ах, не ты ли в лунном свете
Покатилась в путь наклонный?
Хуй – великий самодержец,
Правит, вновь непокоренный!

Не страшны ему заклатья,
Не горит он и не тонет,
И с чего бы так малютка
На перинах жарких стонет?

И в счастливом нетерпенье,
Без конца его лаская,
Вновь пронзает болью сердце
Прямо у порога рая!

Хуй – великий самодержец,
Не король, а загляденье,
Ты его целуешь в губки
И торопишь упоенье.

На колени все! молитесь!
Чтобы вас он не оставил,
Чтобы он по всей вселенной,
Как и прежде, гордо правил!

Не ведая утех иных

Вседневно ахи умножая,
Всечасно прелестьми маня,
То в неге страсти замирая,
То сладким голосом стенья!
Как ты была в любви нежна,
Как ты меня к себе влекла,
Когда, раскинувшись безбрежно,
В грехе постыдном возлегла.
С тех пор гляжу на тя и млею
И еблей укрошаю пыл,
Вседневно я пиздой владею,
Всечасно я лишаюсь сил!
Грущу, мятусь, люблю, страдаю
Заразой прелестей твоих;
К бесчестию твой стан склоняю,
Не ведая утех иных.
Пленись продажною красою,
Я сердце в жертву приношу,
Лишась свободы и покою,
Другова счастья не прошу!

Зефир

Люблю тебя ласкать очами,
Хмелея от заморских вин;
Люблю в тебе искать губами
Благоухающий рубин.
Люблю смотреть, как ты, вися,
Сгораешь в медленном огне,
А взор твой детский, чист и ясен,
Когда скользишь ты на спине.
Ах, этой страсти бездорожье,
Ах, эти ямочки ланит!
Как трепетно твое межножье
Зефир лобзаньем пламенит.
Со мной ли под луной безмолвной
Потонешь в ласках огневых,
Когда невинный, страсти полный,
В тебя войдет мой жаркий стих.

Tristia

Среди пиров, среди блядей,
Среди классических страстей
Души высокой и греховной,
Пизда с небес спустилась к нам
С мечтами, таинствами, мглами.
И нет преград меж ней и нами,
И ходит, ходит по рукам!..

Баллада

Вам, шлюхи уличные, вам
Слагал я горестные пени,
Над кем глумились по ночам
По всем вертепам-кабакам,
Где шваль стояла на измене;
А что теперь? Мир глух и нем.
В прах обратил Господь Эдем!

Распутницы, что кажут нам
Все прелести на этой сцене,
Где открывался в сердце храм
И, вызов бросив небесам,
Спешил раздвинуть я колени.
Так насладившись чем-ничем,
В прах обратил Господь Эдем!

Когда бы встретиться всем нам,
На солнце выбежать из тени;
Под ветра свист иль птичий гам,
В мороз и в дождь я верил вам,
Где рай зиял в неверном крене.
Пусть дело дрянь, и я ни с чем.
В прах обратил Господь Эдем!

Скорбь-невзгода

С кем вы, бляди-потаскухи?
Пал туман – одни старухи.

Без конца любви хотят,
Кораблю пристать велят!

Скорбь-невзгода отзовется,
О пизде молва плетется;

Блядь с распущенной косой
Смотрит сморщенной каргой.

Не смахнуть с груди усталой
Ту напасть рукой удалой.

Как о прошлом ни жалеи,
Не вернуть уж тех блядей!

Огонь любви

Ты хочешь, ангел мой прелестный,
Чтоб жертвенник я твой почтил?
Не я ли огонь любви чудесный
Без промаха в тебя вместил!

Тот огонь могучий, в битвах смелый,
Ликует, гнется и звенит,
И ум твой детский, ум незрелый,
Всю эту мощь постичь спешит!

И старец в ебле закаленный,
И робкий школьник – тут как тут,
И даже пастырь умудренный
Тебе сердечну дань несут.

Один – я видел – все вздыхает,
Другой в мечтах своих парит,
Когда же огонь любви играет,
Нахал краснеет и молчит.

Лишь я один, о Боже! Боги!..
Сей дани не хочу платить,
И вверх твои забросив ноги,
Хочу все грезы воплотить!

Два стихотворения

1

Ну как ты там теперь одна,
Красотка, дурочка, Психея?
Как изменился вкус вина,
Как шумно плещется волна,
Навзрыд цитируя Алкея!
И время прочь в такие дни,
О чем ты плачешь? Дай мне руку.
Ведь мы опять с тобой одни,
Пересекаем вплавь разлуку.

2

На корабле открылась течь,
Все ближе бездна океана;
Игра с тобой не стоит свеч
В последний час Левиафана.
Мой голос сдержанно звучал,
Рыдали трубы и фаготы;
Я покидавшим честь отдал,
Когда сводил с любовью счета
И взглядом шлюпки провожал.

В пропастях

Какая грусть! конец романа.
Опять мосты нас развели.
Неужто мы навеки, Анна,
Исчезнем в пропастях земли?
А в небе ни клочка лазури,
А в доме пусто и темно,
Какие в сердце пели бури,
Какое пенилось вино!
Чего я жду? иль может статься,
Бывалой жизнью дыша,
В другую плоть переселяться
Заране учится душа?
А я, подхваченный забвеньем,
Еще живу, еще дышу...
И с замираньем и волненьем
Себя мечтами извожу!

Стыд

Сто раз ты меня обнимала
И с криком тоски раздевалась,
Губами ловил твои груди
И красный насмешливый рот;
О, как ты колени сдвигала,
О, как ты в любви повторялась,
И стыд, словно сон, разгоняла,
Встречая неверный восход.
А то, что ночами шептала,
Со мною в разлуке умрет!

Лейб-улан и Аннет

Ода

*торжественная Ея ебливому Сиятельству
Всепресветлейшей красавице Анне Алексеевне,
на преславное Ея восшествие на престол
лейб-гвардейского конного полка
Его Императорского Величества
марта 22 дня 1759 года.
В изъявление истинной радости
и верноподданного усердия
искреннего поздравления
приносится от всеподданнейшего раба
Михайла Лобанова*

I

Внемлите все пределы света
И ведайте, кем стал Эрот;
Стоит, как есть нагой Аннета,
Ликует церковь и чертог.
Еще вчера была невинна,
В напастях и делах едина,
Но день прошел, и два, и вот:
Краса над миром хуй восставит,
Когда гвардеец позабавит
Возлюбленной пурпурный грот!

II

Ах, лейб-улан, сколь ты ужасен
В полях противу всех врагов,
Сколь хуй твой в ножнах безопасен,
Аннета не находит слов.
Полки сражая, ты воюешь,
Над грешной плотью торжествуешь,
То буря здесь, то тишина,
Ты с упоеньемходишь в Анну
Во дочь желаньями венчанну,
И нет покрывки в ней, ни дна!

III

Давно ли верная супруга,
Взведенная на шаткий трон,
Краса и честь земного круга,
Прекрасная со всех сторон,
Неверному сему герою
Среди пылающего строю
Открыла тайну тайн Аннет?
Военно сердце умягчает,
Все шире ножки раздвигает
Разженный яростью Магмет.

IV

Любовь! любовь над полем мирным
Мягчит неопытны сердца
И, как дыханием зефирным,
Коснется бледного лица,
Вливает благосклонность в нравы,
Не умаляя бранной славы,
Трудится пылкий удалец;
Победой путь свой украшает
И в жаркой битве возвышает
Аннеты своея конец!

V

Когда движением свободным
Влеклись мы по твоим следам,
Ослабу нравам благородным,
Аннета волю даст слезам;
Мы кротости девиц навыкнув
И к телу жаркому приникнув,
Судьбину тщимся отвратить;
Глядишь, Аннет на все готова
И ножки раздвигает снова
И тщится хуй в себя вложить!

VI

А есть ли кто на свет рожденный,
Чей торжествующий Эрот
Предался в руки побежденной,
О стыд, о странный оборот!
Когда любовные трофеи
(Ах, лейб-улань, ах, злодеи!)
Приобретут в напрасный дар
И данную девицей веру,
Тебе, Аннета, нет примеру,
И не отводишь ты удар!

VII

Неужто вся любовь к Аннете,
Аннетина любовь к тебе,
Единый дар на этом свете
И небо верно сей рабе?
Без усыпляющего звуку
Ты хуй вложил Аннете в руку
И нет превыше сих наград.
О, сколь свидание прекрасно,
О сколь виденье любострастно
Пизды ея волшебный клад!

VIII

Не мрак ли меж грудей носился?
Или открылся бездны зев?
Гвардеец наш с Аннетой слился
И произносит глас таков:
Тебя я покидать не стану,
На то ли вселюбезну Анну
В супружество я поручил?
Дабы через меня стихия,
Под игом страсти роковая
Меня любви Эрот лишил!

IX

На то ли ночи все несчетны,
Где сладко пели соловьи,
Разрушились и были тщетны
Плоды Аннетиной любви;
На то ль воздвиг я хуй священный,
Дабы вконец тобой прельщенный,
Растрачивал все даром пыл
И вместо родственной девицы
Тревожил блядские цевницы
И грешным ангелам служил?

Х

Аннет, красавица, покойся,
Мы помним тьмы твоих заслуг,
На ложе брачном ты устройся,
Твой труд меж нами жив вокруг.
Не предадим твоей любви,
Не пощадим последней крови,
Спешим Аннету мы покрыть;
Вослед мужьям твоим ревнивым,
Любовникам нетерпеливым,
Любезным и примерным быть!

XI

Что чаяли вы, невски бляди,
В великий оный громкий час?
Согласно ебле, христа ради,
Веселый возвышали глас!
Забуду ли Аннет присягу,
Благословенную отвагу,
Коль етъ мне, как закрылся день;
Нам здешние любви валторны
Напомнят эти груди полны
И сладких звуков дребедень.

XII

Среди избраннейших героев,
Между немислимых хуев,
Среди непобедимых строев
Пизда не ведает оков.
И нежность пола уважает
И страстью храбрость украшает,
Обеими сердца влечет;
Всяк видя, следует за нею,
Гласит устами и душою:
Приди на хуй, моя Аннет!

XIII

Гряди, невинная отрада,
Гряди, терзание сердец,
Пизды всевышняя услада,
Поставь желаниям конец!
И оправдай мою Аннету,
Всему доказывая свету,
Что полная триумфов блядь
Постыжена разгульным миром
И только хуй почтен кумиром,
Пизду приемлет в жертву дать.

XIV

Уже нам лунное светило
Свое пресветлое лицо
Пиздой роскошною явило,
Лучей небесных во венце.
Туманы, мраки разгоняя
И радость нашу предваряя,
Мой хуй любовью оживит;
Во всей красе себя являет
И ебля взоры услаждает,
Ко всем хуям пославши стыд.

XV

В удвоенном альков наш блеске
Торжественный подъемлет шум,
При громком восхищась плеске,
Смущает еблей праздный ум.
Взирая на сию забаву,
На мысль приводит прежню славу;
В лугах, по стогнам, по домам
Ебется множество народу,
Пизду подъемлет, как свободу,
И хуй возносит к небесам.

XVI

Теперь Аннета на диване
За гордость свержена лежит,
А только хуй, как в том романе,
С благоговением стоит.
Хвалу на небо воссылает
И купно над пиздой пылает
О целости ея и нас,
Что Вышний, крепкою десницей
Аннету нам подав царицей,
От гибели невинных спас.

XVII

Услышьте, ебари земные,
И все державные главы,
Как всюду страсти роковые,
От буйности блюдетесь вы
И дев таких не презирайте
И все безумства исправляйте
Вы ебли каторжным трудом.
Заменит вам Аннет Европу,
Не путайте с пиздой жопу
И Бог благословит ваш дом.

XVIII

О коль велико, как прославят
Ту еблю верные раби,
О коль опасно, как оставят
От тесноты своей, в скорби!
Внимайте пылкому примеру,
Любите их, любите веру
Она – свирепости узда;
Сердца влюбленных сопрягает
И вам их верно покоряет,
Как неприступная пизда!

XIX

А вы, которым еть Аннета
Дает уже от малых лет,
Такой пизды в пределах света,
Такой в других державах нет.
Храня своим поэтам дружбу,
Позволила пизду на службу
Беспреткновенно приносить;
На то ль склонились лейб-улары
И кирасиры-истуканы,
Чтоб хуем бездну покорить.

XX

Лежит, лежит Аннет меж нами
В пределах юности своей,
Считает нас давно рабами
В противность истины вещей.
Исчислите тьму сильных боев,
Запечатлейся вид героев —
От крепостного до Царя,
В суде, в полках, в морях и в селах
В своих и на чужих пределах
И у святого алтаря.

XXI

А коль Аннет благополучна
И будет россами владеть,
И в свете славою созвучна,
И всякий хуй в руке иметь,
Тебя толь счастливу читаем,
Аннета, в коей признаем
В единой все желанья вдруг:
Пизды желанной справедливость
И томной жопы прозорливость,
И истинный геройский дух!

XXII

Восемнадцать лет ты украшала
Благословенный хуй Петров;
Блядям на Невском подражала
В ебливой красоте даров.
И, услаждая покоренных,
Святых, гражданских и военных,
Склонила высоту небес;
От злой судьбы тебя избавить,
Над хуем царствовать заставить
И отереть нам токи слез.

XXIII

Ах, лейб-улань, торжествуйте,
Взошла Аннета на престол.
Мужья неверны, ликовствуйте,
Шумя, крутитесь под подол.
По всем борделям возгласите
И нашу радость возвестите
И бывши скорби забывай;
Она все страсти успокоит
И меж ногами нам устроит
Единый мир, прекрасный рай.

XXIV

Герои храбры и усерды,
Которым хуй любовь открыл,
Приять дары Аннеты тверды
Противу беззаконных сил.
В защиту нашей героине,
Красуйтесь, веселитесь ныне!
На вас лавровые венцы
В несчетны веки не увянут,
Доколь гвардейцы не престанут
Ебать Аннет во все концы!

Царь-девица

Царь жила-была девица,
Сладострастна, бледнолица;
Как ебать ее, дивясь,
Было, не перекрестясь!

Очи светлы, голубые,
Огнь-уста, власы златые,
Шепчет русска старина:
Всем давала еть она!

Земледельцам и гусарам,
Молодым певцам и старым,
Россы, гунны, скифы, чудь, —
Всех прельщала эта грудь!

Нет, не счесть нам человеков
Днешних и грядущих веков,
Кто не льстился ввек хотеть
Царь-девицу поиметь!

На пирах иль в чистом поле,
В крепостях или на воле,
Сколько радостей прямых
Для утех и ласк самих!

Там веселия сердечны,
Там блаженства бесконечны,
Пурхает вокруг роз Зефир,
Красота от звуков лир!

Бог любви и восхищенья,
Вновь дарит нам наслажденья,
Осчастливь сим, красота,
Чтоб с тобой спрягать уста!

Блещет Питербурх женами,
Всех красавиц чудесами,
Царь-девица всех милей
Грудью пенною своей!

Страсти жаркое дыханье,
Белых лядвей трепетанье,
За певцом тииским вслед
Еблей забавляем свет!

Вейся, вейся ветвь цветуща,
Прелести мужьям дающая;
Сладко сок мне Вакха пить,
С царь-девицею шалить!

Удовольствий чувство полно,
Сколь раскинемся нескромно,
Веткой чресла щекочи,
Если спросит, кто? – молчи.

Вижу, вижу; как в тумане,
Царь-девица на диване,
Мне нашептывает вслух:
«Ты почто затих, мой друг?»

В жилах хлад я ощущаю,
Падший, вяну, умираю
И в объятьях дорогих
Речь немеет уст моих.

Пуст колчан и лук изломан,
В кандалы Эрот закован,
Клонит голову ко сну,
Камнем вниз пошла ко дну.

Что сказать мне в утешенье?
Сердце! бодрствуй в сокрушенье,
Царь-девица вся в крови
От смертельных любви!

Стойкий витязь

*Стоит – за страсти роковые,
За всех развенчанных блядей,
За девы грезы молодые,
За жен и вдов души моей.*

Лобанов

О, стойкий витязь! Ты печален,
Упал с поникшею главой;
Ты гредишь, мрачный и немой,
Среди могил, среди развалин;
Ты помнишь в зареве ночей
Следы мучительных страстей!

И неужель трава забвенья
Покроет сумеет эту брешь,
Ты – рок: убей или утешь
В победной жажде наслажденья.
А мы... нам долго цепи влечь,
Покуда в ножнах грозный меч.

Воспрянь, ебическая сила,
Любовных странствий ураган;
Давно ли страсти пел боян,
Когда луна в бою всходила?
Пускай на грозный твой булат
Валятся бляди – ряд на ряд!

Не гордый дух завоеваний
Зовет булат твой из ножен,
За честь мужскую грянет он
В твоей опомнившейся длани.
Над бездной сих нескромных чар
Не промахнется твой удар!

Пребудь отважным, как свобода,
И быстрым в ебле, как перун,
Будь вездесущим, как природа,
Как это солнце, вечно юн.
В летучей жизни ты моей
Вобрал всю радость прошлых дней.

О, стойкий витязь обольщенья,
Пизды неверной властелин,
Ты – огонь, ты гордый исполин,
Восставший над травой забвенья.

Во прах, красавицы, во прах,
И пламень Тартара в очах!

Когда сквозь частокол объятий
Ты грозным кинешься на бой, —
Кто сильный сдержит пред тобой
Девиц тьмочисленные рати?
Кто сгонит бледность с их лица
При виде гневного бойца?

Рука возлюбленной сильнее
Руки, измученной веслом, —
Так с неба падающий гром
Подводных рокотов звучнее.
Так песнь любовная звончей
Глухого скрежета цепей!

Где ты, краса минувших лет?
Подняв холодные железы,
Я на тебя смотрю сквозь слезы,
Кумир разгула и побед,
Но точно гром небесных кар,
Не знает промаха удар!

Рытвина с ухабом

Дело по́д вечер, зимой
И морозец знатный;
По красотке записной
Скачет парень молодой,
Господин занятный.
Не спешит, ебёт слегка,
Чай рожден не слабым,
А девица та сладка —
Передок с ухабом!
Раззадорил молодец
Жаркую красотку:
«Ты скачи, мой удалец,
Дам тебе на водку!»
Что? Забавно? Ничего!
Тонко там, где рвется.
Ноги вскинет на него:
Грешник не спасется!
Ну, садись же! Посадил
На себя девицу
И рванул, что было сил,
Точно кобылицу!
Только деве все не впрок,
Даром что девица:
Ах, не так ты, милый, лег,
Скачет, веселится!
Размахнулся наш герой,
Чай рожден не слабым
И не чует под собой
Рытвину с ухабом.
И пошли. Она кричит,
Крутит телесами.
Только парень наш молчит,
Двигает мудями.
Час проходит — вот те на!
Разогнались лихо!
А любовь пьяным-пьяна,
Все воркует тихо.
Свечерело. Дрожь в ногах,
Как беда большая,
Только девка на мудях
Скачет, как шальная!
Долго парень наш скакал,
Сколь хватило духа;
Целовал да погонял —
Экая проруха!

Быстро, бешено еблись,
Всей Москве на диво.
С легким сердцем шел на бис
Парень молчаливо.
Только стон кругом стоял,
Помоги им, Боже!
То, что парень повторял,
Повторять негоже!
Как ей вставит поперек,
Жутко вспомнить бабе;
Лишь мохнатый седачок
Охнет на ухабе!
И на совесть, не за страх,
Не передохнули;
Верст пятнадцать во весь мах
Бедные, отдули!
В полночь-заполночь летит
Парочка хмельная.
А красотка голосит,
Головой мотая!
Ладит вывернуть ухаб,
«Заебет!» – смекает,
А парнишка, чай, не слаб,
Девку разгоняет.
Собрался честной народ.
Вся Москва в тревоге,
Парень девку заебет,
Как медведь в берлоге.
Трус бежит, а кто смелей,
Те – потехи ради,
Жмутся около груди,
А мамаша сзади,
Трусит, издали кричит:
Под венец, хотите ль?
Парень, знай себе, стучит,
Словно истребитель.
Раскричался за спиной
Папенька поддатый,
Вразумил народ честной
Дядька бородатый.
И красавицу согнал
Он своей дубиной,
А родитель обозвал
Паренька скотиной.

Раскаянье

Записки губернского ловеласа

На зорюшке ранехонько
Пробудишься, зевнешь.
На цыпочках тихохонько
К служанке припадешь.

(Пока еще пронзительно
Жена себе храпит.)
Как сладко, удивительно
Любовь соединит.

Смирить свою амбицию
Приятно. Видит бог!
И ну давай с девицею,
Застигнутой врасплох.

Там на краю от гибели,
Она утратит стыд;
Дела, какие б ни были,
Авось да и простит.

Какой предосторожности
В поступках ни держись,
Нет никакой возможности
От жребия спастись.

В тот день у экзекутора,
Чтоб скуку разогнать,
Рублишка за полутора
Слуга приводит блядь.

Он сам ебака с именем,
Как отставной солдат;
Над каждым новым выменем,
Ну точно супостат.

Согрет одушевлением,
Как полдень был хорош,
Елдак мой с восхищением
Забыл весь мир... и что ж!

Не мне читать нотации,
Что рухнул идеал,
Но выдав ассигнации,

Я жару ей задал!

Ах, пылкие движения
Мечтательной души,
От вас мне нет спасения,
Покайся и греши!

Пусть с ней, кто хочет водится,
Я – правилами строг:
Каких же еть приходится,
Избави меня бог!

Занятем этим втянешься,
Пожалуй, в грех такой,
Что, черт возьми! останешься
С растерзанной душой.

Я предан сокрушению,
Я низко пал, друзья:
Мир ближе к разрушению,
К могиле ближе я.

Но к вечеру корыстию
Сиротку я растлил
И жизни грешной кистию
Я душу зачернил.

И не с того ли чудится,
Час близок роковой.
И с вами то же сбудется,
Что сталося со мной.

Пусть счастье скоротечное
Изменчиво и зло,
Мне на дела сердечные,
Как никому везло.

А там тигрица дикая
Во образе вдовы,
Такая страсть великая,
Что стал другим. Увы!

Но что вперед печалиться,
Покуда погожу.
Наверно, всякий сжалится,
Как все перескажу.

И, чтоб часы смиренные
Хоть как-то скоротать,

Я попадью степенную
Решился испытать.

С чего бы поп колотится,
Ступив за аналой,
Без попады, как водится,
С небритой бородой.

Весь мир земной вращается
Елико вокруг пизды,
Где всяк любовью мается
Во имя красоты.

Болтать мне утешительно
И публику прошу,
Все слушать снисходительно,
Что я ей расскажу.

Здесь всюду наслаждения
Для сердца и мудей;
Здесь все без исключения
Возможно для людей.

Где розы, там и тернии,
Таков закон судьбы,
Я первым стал в губернии
В знакомствах и любви.

Портные, сочинители,
Купчишки и графья
Ебали все, что видели,
И лучше всех был я!

С пиздой цепями скованный,
Изменчив человек,
Настал иллюстрированный
Счастливый новый век.

Рисунки чудно слажены,
В них каждый штрих хорош,
А бляди так раскрашены,
Не хочешь, а возьмешь.

Чем книга наштигована,
Постигнуть нет ума,
В ней все иллюминированно,
А в буквах мрак и тьма.

Тут ножки разлетаются

Под кистью удальцов,
Там юбки развеваются,
Что не найти концов.

Прекрасно, восхитительно,
Виват, Мари Монблан,
Как держит хуй решительно
Мадмуазель Шарман.

В ней поза идеальная
Исполнена красот,
Но самое печальное:
Любого заebet!

Она давно мне нравилась,
Исторья не нова;
Своей пиздой прославилась
И горлом здорова!

А мы в любви не зрители,
Запутавшись в мудях,
Не только сочинители
Ебутся в повестях!

Бывало, день изводишься
На службе так и сяк.
А тут домой воротишься,
А женка хватать елдак!

Начнешь в четыре голоса,
Зальешься, как река;
А кончишь тоныше волоса,
Нежнее ветерка.

Изведал уж немало я
Житейской суеты,
Эх, молодость удалая!
Куда исчезла ты?

Вдовый утешитель ***Московская повесть***

*Вот в чем, прекрасная,
Найдеши ты облегченье,
Единым кончиши сим
Ты все свои мученья...*

Аноним

Вдова должна и гробу быть верна.
А.С.Пушкин

Вдова, исчадь ада,
Нечистых дум услада,
При свете ночников
Влечет меня в альков.
Все тихо, все в покое,
Ах, что это такое?
Она мне шепчет в ухо
И лезет под сюртук;
Не по себе, старуха,
Ты нынче рубишь сук!
Но, Боже, что со мною,
Как манит сей изгиб,
Я сладких грез не стою,
Я, кажется... погиб!

Повис! Вотще таиться,
(Некстати случай свел!)
Ну, как тут не забыться
И не задрать подол!
Здесь дело не до смеху,
В груди желаний жар,
Забить бы мне прореху,
Сей вдовый дортуар.
Вотще! Повис приятель,
Нескромных нег ваятель.
Как разум мой кипит,
Когда он крепко спит!
Вдова, раскинув ноги,
Не в силах уж терпеть...
О, сжальтесь! Боже! Боги!..
Вбить кол и – умереть!
Восстань же, пробудися,
В последний раз молю,
Воспрянь, развеселися,
Ты видишь: я люблю!

Вотще! Повис над миром
Поверженным кумиром...
Вот ужас! Гладь да тишь.
В кусты? Ан, нет, шалишь!
(Мне жаль сие терять,
Ты должен это знать.)

.....
.....
.....

Но вот главу подъемлет
Приап. Могуч, велик!
Он никому не внемлет,
Капризный баловник.
Виденьем вновь смущен,
Спешит развеять сон!
Он зол! он жаждет мщенья,
Ликует и скользит;
Какие наслажденья
Ему сей ров сулит!

.....
Врывайся, бей с разбега,
Нисколько не таясь,
Ты – Альфа и Омега,
В любой дыре ты князь!
Люблю твои забавы,
Эраты верный друг,
Ликуй, наперсник славы,
Уже натянут лук.
Стрелой неотвратимой
Лети в иную даль;
В душе невыразимой
Рассеется печаль.
Закинув гордо шею,
Как лебедь в облаках,
Я снова гордо рею
В раю... Увы и ах!

.....
Почто же то терзанье
Не за что я узнал?
Меж тем как испытанье

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.